

Выводы. Таким образом, подытоживая, можем обобщить, что субъектами политики в сфере борьбы с преступностью являются уполномоченные органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения, юридические и физические лица. Очевидно, что они играют разную роль в формировании и реализации политики в сфере борьбы с преступностью, но, так или иначе, влияют на ее содержание.

Список использованной литературы:

1. Панов М., Герасіна Л. Правова політика як універсальний феномен соціального буття / М. Панов, Л. Герасіна // Право України. – 2001. – № 8. – С. 38–46.
2. Митрофанов А. Основні напрямки кримінально-правової політики в Україні: формування та реалізація : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / А. Митрофанов. – К., 2005. – 132 с.
3. Фріс П. Політика у сфері боротьби зі злочинністю і права людини / П. Фріс. – Надвірна : Видавництво ЗАТ «Надвірнянська друкарня», 2009. – 168 с.
4. Борисов В. Поняття кримінально-правової політики / В. Борисов, П. Фріс // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2013. – № 1(1). – С. 12–18.
5. Лесников Г. Уголовная политика современной России (Методологические, правовые и организационные основы) : дисс. ... док. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Г. Лесников. – М., 2005. – 321 с.
6. Гревцов О. Субъекты уголовной политики / О. Гревцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russika.ru/t.php?t=2823>.
7. Про засади внутрішньої та зовнішньої політики : Закону України від 1 липня 2010 р. № 2411-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30789143.
8. Про основи державної політики щодо протидії злочинності: проект Закону України від 29 березня 2010 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/314729>.
9. Політологія (теорія та історія політичної науки)/заред. П. Шляхтун. – К. : Либідь, 2002. – 576 с.

ПЫТКА: ОБОСНОВАНИЕ ФОРМ ДЕЯНИЯ (СТ. 127 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ)

Юлия МАРАДИНА,

стажер-исследователь кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to the problems of modalities of the act as one of the essential characteristics of the objective side of the crime «Torture» (art. 127 of the Criminal Code of Ukraine). Examined the provisions of international legal acts, considered Ukrainian positive law. On the basis of international law: the conclusion of the action and inaction, as the behaviors of the subject of torture; marked specificity of the passive behavior as a manifestation of the crime. According to art. 127 of the Criminal Code of Ukraine forms acts denoted by action and inaction mixed. Underlined the possibility of a legal unresolved torture by pure inaction. Legal assessment of international and national legislative technique used for fastening forms the subject of the act of torture.

Key words: torture, objective side, beatings, torment, other acts of violence, forms of act.

Аннотация

Статья посвящена проблематике определения форм деяния как одного из обязательных признаков объективной стороны состава преступления «Пытка» (ст. 127 Уголовного кодекса Украины). Проанализированы положения международных нормативно-правовых актов, рассмотрено украинское позитивное право. На основании международного законодательства обоснован вывод о действии и бездействии как формах поведения субъекта пытки; отмечена специфика пассивного поведения как проявления указанного преступления. Согласно ст. 127 Уголовного кодекса Украины формы деяния обозначены через действие и смешанное бездействие. Подчеркнута правовая неурегулированность возможности совершения пытки путем чистого бездействия. Дана правовая оценка международной и национальной законодательной техники, использованной при закреплении форм деяния субъекта пытки.

Ключевые слова: пытка, объективная сторона, побои, мучение, иные насильственные действия, формы деяния.

Постановка проблемы. При конструировании объективной стороны отдельного состава преступления перед законодателем возникает задача как можно точнее описать в статье (ее части) Уголовного кодекса (далее – УК) государства поведение субъекта. Правильное определение и корректное закрепление, в частности, форм деяния являются залогом однозначного правоприменения и доктринального толкования. Разнобой в практике и (или) противоречия в научных позициях свидетельствуют о недостатках в работе законодателя. Одним из примеров подобного правотворчества является несовершенство диспозиции ст. 127 УК Украины.

Так, в указанной норме предусмотрено, что пытка – это умышленное причинение сильной физической боли или физического либо морального страдания путем нанесения побоев, мучения или иных насильственных действий, реализуемых с определен-

ной целью. Исходя из этого содержания приведенного понятия, при анализе деяния как одного из обязательных признаков объективной стороны пытки криминалисты по-разному определяют ее формы. Одни ученые (С. Багиров [1, с. 169], Д. Булда [2, с. 121], О. Денисова [3, с. 107], О. Довгань [4, с. 107; 5, с. 133], Л. Дорош [5, с. 133], В. Кончаковская [6, с. 616], Е. Фесенко [7, с. 28]) акцентируют внимание исключительно на действии как форме деяния в составе пытки. При этом некоторые из сторонников такого подхода (З. Журавская [8, с. 209], Г. Телесницкий [9, с. 10, 14]) считают, что закрепление в ст. 127 УК Украины только активного поведения противоречит международному позитивному праву, в котором отмечена возможность совершения рассматриваемого преступления еще и путем бездействия. Другие же специалисты в области уголовного права (В. Павликовский, А. Шульга [10, с. 80]) настаивают на необходимости в рамках

ст. 127 УК Украины вести речь как о *действии*, так и о *бездействии*. Несмотря на существующую полемику, заметим, что в доктрине уголовного права отсутствует должное обоснование выводов о формах поведения субъекта пытки. Последнее обуславливает особую актуальность темы исследования.

Учитывая описанную проблематику, **цель статьи** состоит в анализе законодательства на предмет закрепления форм деяния в составе рассматриваемого преступления. Она определяется необходимостью дать аргументированный ответ на вопрос о допустимости бездействия со стороны субъекта пытки.

Изложение основного материала.

В настоящее время положение о том, что уголовный закон – это единственный *первичный* источник уголовно-правовых норм, утрачивает свою аксиоматичность [11, с. 37]. Однако последнее является скорее предметом очередной дискуссии, нежели новым четким выводом науки¹. Не останавливаясь на уточнении перечня формальных источников уголовного права и принимая во внимание то, что международные договоры являются *частью украинского законодательства* (ст. 9 Конституции Украины, ст. 19 Закона Украины «О международных договорах» от 29.06.2004 г. № 1906-IV), рассмотрим эти нормативно-правовые акты.

Проблема пыток является острой для всего мирового сообщества, поэтому запрет на их применение установлен на конвенционном уровне: ст. 5 Всеобщей Декларации прав человека от 10.12.1948 г., ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод от 04.11.1950 г. (далее – Конвенция 1950 г.), ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19.10.1973 г., ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, нечеловеческих или унижающих достоинство, видов поведения и наказания от 10.12.1984 г. (далее – Конвенция 1984 г.). Несмотря на это,

дефиниция «пытки» закреплена только в ст. 1 Конвенции 1984 г. По ее определению рассматриваемое понятие сводится к любому *действию*, которым любому лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или моральное, осуществляемое с целью, определенной в этой статье, либо по причинам, основанным на дискриминации любого вида. Использование при раскрытии анализируемого понятия слова «действие» дает основания полагать, что форма деяния при совершении пытки является *активной*. Однако этот вывод был бы неполным без рассмотрения ряда моментов, касающихся определения субъекта пытки².

Так, ст. 1 Конвенции 1984 г. закрепляет, что боль или страдания должны причиняться государственными должностными лицами либо другими лицами, которые выступают как официальные, или с их подстрекательства, или с их ведома, или с молчаливого согласия. На наш взгляд, все перечисленные варианты участия этих субъектов в применении пытки, кроме первого, когда рассматриваемое преступление совершается непосредственно государственными должностными или «официальными» лицами, можно рассматривать, как случаи соучастия³. Возникает вопрос о роли соучастника в случае «подстрекательства», «осведомленности» и «молчаливого согласия». Представляется, что первое из перечисленного по своему прямому определению является подстрекательством, а последующие два по своей природе тяготеют к пособничеству. Вместе с тем в литературе вполне обоснованно высказана точка зрения о том, что при определенных обстоятельствах указанные субъекты являются «необходимыми *соисполнителями*» [13, с. 29]. В частности, молчаливое согласие государственных должностных или «официальных» лиц на реализацию заранее утвержденных незаконных действий других лиц может не просто способствовать совершению или сокрытию

конкретного преступления, но и быть частью в проявлении объективной стороны определенного состава. Например, применение пытки в присутствии «официального» лица, которое, выполняя процессуальные действия, специально приглашает «частное» лицо для совершения этого вида насилия, должно влечь за собой признание указанного специального субъекта соисполнителем. Последнее объясняется тем, что на «официальном» лице лежит обязанность не только соблюдать предусмотренную законом процедуру, но и гарантировать ее осуществление. Поэтому, проявляя пассивность, этот субъект не просто способствует, а фактически осуществляет процесс с применением пытки. Последнее, конечно, расширяет рамки научного представления об исполнительской роли соучастника. Однако следует заметить, что эти рамки расширяет не только теория, но и практика.

«Подстрекательство» – это всегда активное поведение. «Молчаливое согласие», наоборот, является примером бездействия. «Заведомость», как представляется, допускает обе формы поведения. В рамках учения о составе преступления форма деяния определяется по тому, как она закреплена для того, кто выполняет объективную сторону преступления, то есть непосредственного причинителя или исполнителя (в случае соучастия). Поскольку ранее нами была допущена возможность признания государственных должностных и «официальных» лиц, с *ведома* или *молчаливого согласия* которых применяется пытка, соисполнителями, относительно этих случаев можно счесть допустимым признание бездействия проявлением пытки.

Перейдем к анализу национального законодательства. Как указывалось, понятие «пытка» раскрыто в ч. 1 ст. 127 УК Украины. Из ее содержания следует, что в рассматриваемом составе деяние представлено «побоями», «мучением» и «иными насильственными *действиями*». Поскольку последнее из перечисленных является родовым понятием по отношению к «побоям» и «мучению», и в его синтаксической модели употреблено слово «действия», констатируем, что на национальном уровне использован тот же прием, что и в ст. 1 Конвенции 1984 г., а именно:

¹При этом подчеркнем, что положение о множественности источников уголовного права Украины (вообще, а не только первичных) поддерживается большинством ученых [12, с. 100].

²Заметим, что в «делах международного права» субъектом ответственности выступает государство-участник определенной Конвенции. Однако признаки субъекта, непосредственно допустившего нарушение этого права (в нашем случае – признаки субъекта пытки), устанавливаются исходя из положений международных договоров.

³Хотя практика Европейского Суда по правам человека (далее – Суд) показывает, что участие таких субъектов в совершении преступления не всегда вписывается в классическую теорию соучастия.

определение преступного поведения через его *активную* форму. Однако возникает вопрос о применении этого ко всем приведенным видам деяний объективной стороны пытки, о возможности существования специфики закрепления форм поведения не только в рамках ст. 1 Конвенции 1984 г., но и ст. 127 УК Украины.

Согласно п. 3.1 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденных приказом Министерства охраны здоровья Украины от 17.01.1995 г. № 6 (далее – Правила), побои характеризуются причинением многократных ударов. Под ударом наука уголовного права понимает одноразовое внезапное (резкое) физическое (механическое) воздействие на тело человека любым твердым предметом, что приводит к физической боли [14, с. 267; 15, с. 317; 16, с. 300]. Приведенное подтверждает, что при совершении побоев поведение преступника является активным. Учитывая насильственную природу ударов, последнее не противоречит использованному законодателем родовому понятию «иные насильственные действия».

В п. 3.2 Правил предусмотрено, что причинение мучений – это *действия*, направленные на длительное лишение человека еды, питья или тепла, оставление его во вредных для здоровья условиях и *другие подобные действия*. Как видим, законодатель подчеркивает *активное* поведение преступника через акцентирование внимания на *действиях* при перечислении отдельных примеров мучения и использование родового понятия «другие подобные *действия*». Возникает вопрос о возможности совершения мучений путем бездействия. Некоторые ученые допускают возможность пассивного поведения при осуществлении указанного вида пытки, однако аргументацию этого не приводят [10, с. 80]. Чтобы ответить на поставленный вопрос обоснованно, рассмотрим два возможных варианта причинения мучений. *Первый* связан с совершением исключительно действий. Действительно, мучения могут осуществляться путем только активного поведения. Например, когда виновный раздевает человека и выталкивает его на холод. Начальные действия преступника (раздевание) направлены прежде

всего на лишение потерпевшего тепла, а последующие (выталкивание) – на усиление негативного влияния природных факторов. Примерами подобного поведения могут быть обливание ледяной водой, обтирание снегом. Возможны и другие проявления мучений. Например, преступник может закрыть потерпевшего в помещении и включить там монотонный либо другой режущий слух звук. Всё это – *действия*, совершение которых является достаточным основанием для констатации мучений.

Второй вариант применения анализируемого вида пытки (мучений) представлен более сложным процессом, при котором сначала преступник совершает *действия* (например, незаконно лишает потерпевшего свободы), чем создает определенные условия, а затем длительно «использует» эти условия (не обеспечивает питанием, питьем и так далее). В этом случае виновный сначала ведет себя активно, а затем – пассивно. Тут действия *неразрывно связаны* с последующим бездействием и только *вместе с ним* являются проявлением мучения. Наличие одних только действий, по которым невозможно установить их направленность (в контексте п. 3.2 Правил) или одного бездействия не достаточно для засвидетельствования рассматриваемого вида пытки.

При *втором варианте* причинения мучений наличие обеих форм деяния предопределено самими Правилами. Так, действия *прямо закреплены* в п. 3.2 Правил. Несмотря на то, что они получают вместе с последующим бездействием единую правовую оценку (как мучение), в отдельных случаях эти действия могут быть дополнительным предметом квалификации. Например, при незаконном лишении свободы деяние виновного должно квалифицироваться по совокупности ст. ст. 127 и 146 УК Украины. В то же время такое действие, как перекрытие водопроводного крана на продолжительный срок с последующим непредоставлением воды для каких-либо нужд (как пример оставления во вредных для здоровья условиях), хотя и имеет самостоятельное значение, поскольку его наличие предусмотрено п. 3.2 Правил, не образует состава преступления вне рамок пытки.

Бездействие прямо не отмечено в п. 3.2 Правил, однако его обязатель-

ность логически вытекает из закрепления законодателем определенной «направленности» самих действий. Так, противоправное лишение свободы не способно само по себе показать вектор действий виновного в аспекте пытки. И лишь последующее бездействие (например, непредоставление еды) позволяет вместе с первоначальными действиями оценить поведение преступника, как мучение.

Кроме того, юридическое значение бездействия связано с возникновением так называемого критерия обязанности лица действовать определенным образом. Лишая человека свободы, преступник тем самым фактически порождает для себя *обязанность* заботиться о здоровье потерпевшего и, имея *возможность*, не делает этого. Таким образом, формируются условия ответственности за пассивную форму деяния.

Принимая во внимание наличие обеих форм деяния (в рамках *второго варианта* причинения мучений), в этом случае достаточно трудно обозначить рассматриваемый вид пытки только как действие или как бездействие. Соответственно, вопрос о форме деяния требует уточнения. Обычно комбинацию активного и пассивного поведения связывают со смешанным бездействием. И хотя в этой области научных разработок остается масса вопросов, требующих глубокого осмысления, обращение к действующему УК Украины убеждает ученых в существовании этого вида бездействия [17, с. 191].

Отметим, что в науке уголовно-права сформировалось несколько подходов к пониманию смешанного пассивного преступного поведения. Приведем некоторые из них. Первая (классическая) доктрина исходит из того, что под смешанным бездействием следует понимать невмешательство, повлекшее преступный результат [18, с. 338; 19, с. 128; 20, с. 60; 21, с. 151]. Например, неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, если это причинило тяжкие телесные повреждения (ст. 136 УК Украины).

Позже в советской уголовно-правовой литературе была высказана точка зрения о смешанном бездействии как о таком, которое сочетается с действием. При этом действие выступает *способом*

совершения преступления [22, с. 18]. Наиболее ярким примером такого преступного поведения может быть уклонение от военной службы путем членовредительства или другим способом (ст. 409 УК Украины). В настоящее время к смешанному бездействию, помимо указанного, относят также те случаи, когда активное поведение подпадает под признаки иного *состава преступления* (подделка документов) или же вообще *не имеет уголовно-правового значения* (переезд в другую местность) [23, с. 85].

Отдельно укажем позицию, в соответствии с которой смешанное бездействие охватывает случаи, когда, создав своей предшествующей деятельностью опасность наступления вредного последствия, лицо не предотвращает ее [24, с. 282]. Действие тут не является операционной характеристикой бездействия, оно всегда *предшествует* ему. В этом случае хрестоматийным примером такого вида бездействия является оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении, если виновный сам поставил потерпевшего в такое положение (ч. 1 ст. 135 УК Украины).

Фактически идея смешанного бездействия имеет несколько искусственный характер. По всей видимости, именно это становится причиной того, что некоторые правоведы, принимая во внимание отличные друг от друга, однако вполне обособленные подходы к его определению, связывают смешанное бездействие сразу с несколькими содержательно разными вариантами (и как бездействие, приводящее к наступлению вредных последствий, и как неисполнение правовой обязанности, сопровождаемое действиями по обеспечению этого неисполнения [25, с. 68]).

В действительности жизнь, сглаживая различия между активной и пассивной формой поведения, порождает промежуточные формы деяния [23, с. 84], которым ученые стремятся дать объяснение. Представляется, что под смешанным бездействием следует понимать правовые ситуации, когда к бездействию *примешивается* активное поведение [26, с. 119]. В этом случае

становится очевидным, какая из форм деяния определяет сущность поведения. Так, когда при реализации мучений виновный сначала совершает действия, а затем бездействует, решающее значение имеет пассивное поведение субъекта преступления. Например, именно непредоставление воды или пищи главным образом раскрывает суть мучений. Поэтому именно к бездействию, а не наоборот, примыкают действия. Последние обеспечивают бездействие и только вместе с ним формируют мучения. Исходя из этого, констатируем, что мучения не исключают бездействие, однако только смешанный его вид. Поскольку реализация мучений возможна путем как исключительно *действий*, так и бездействия, но с обязательным сочетанием с *действием*, соотношение понятий «мучения» и «киные насильственные действия» следует признать более-менее гармоничным.

Как видим, национальное законодательство устанавливает возможность совершения пытки путем действий и (или) смешанного бездействия. Анализ украинского позитивного права не дает оснований утверждать о допустимости чистого бездействия как проявления указанного преступления. Следует выяснить, насколько такое законодательное решение вопроса является обоснованным и адекватным.

Ранее упоминалось, что в ст. 1 Конвенции 1984 г. и ст. 127 УК Украины прямо закреплено, что пытка – это *действие (действия)*. История рассматриваемого преступления показывает, что применение пытки действительно связано с *активной* формой поведения [27]. На первый взгляд, это оправдывает использованную в вышеуказанных нормах законодательную технику. Однако возникает вопрос: если активная форма деяния в пытках исторически определена и законодательно установлена⁴, почему некоторые ученые допускают различные варианты чистого бездействия в этом преступлении (например, содержание в нечеловеческих условиях изоляции) [10, с. 80]?

По нашему мнению, законодательная элиминация чистого пассивного поведения как проявления пытки не отвечает реалиям жизни. Допустим, подо-

зреваемый оказался в камере, в которой в сорокаградусную жару «прорвало» канализационную трубу. Спустя некоторое время нахождение в этой камере станет, мягко говоря, не просто неприятным, а невыносимым. Уже через несколько дней указанное место будет очагом инфекционных заболеваний. Не исключено, что те же «официальные» лица не воспользуются сложившейся ситуацией, чтобы, например, сломить волю подозреваемого перед следующим допросом. Их бездействие приведет к причинению последнему не только моральных, но и физических страданий. Разве подобные условия содержания не являются именно пыткой? Конечно, да. Подтверждением служат выводы Специального докладчика Комиссии ООН по правам человека, который при посещении в 1994 г. Бутырской тюрьмы и следственного изолятора № 1 «Матросская тишина» отметил, что условия содержания в этих местах уже сами по себе – пытка [28, с. 91].

При рассмотрении чистого бездействия как проявления анализируемого преступления, учитывая положения ст. 17 Закона Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» от 23.02.2006 г. № 3477-IV (далее – Закон Украины от 23.02.2006 г. № 3477-IV), обратимся к международной судебной практике. Суд не так часто приходит к выводу о том, что поведение, на которое подается жалоба, следует квалифицировать как пытку [29, с. 33]. Закрепленные в ст. 3 Конвенции 1950 г. виды «плохого» обращения и наказания предоставляют Суду правовую возможность признавать ненадлежащие условия содержания обращением, унижающим достоинство (например, дела «Прайс против Соединенного Королевства» [30, с. 118], «Дугоз против Греции» [30, с. 134]). Смоделированная нами ситуация чистого бездействия, возможно, «не дотягивает» до пытки, однако судебной практике известны вопиющие примеры содержания под стражей, подпадающие под понятие именно пытки (например, дело «Илаш-ку и другие против Молдовы и Российской Федерации» [31, с. 123]). Кроме того, в своих решениях Суд неоднократно подчеркивал, что Конвенция 1950 г. является живым инструментом, который следует толковать в свете со-

⁴Здесь мы не учитываем отмеченную нами выше специфику определения форм деяния.

временных реалий. Поэтому вполне допустимо, чтобы определенные действия, которые ранее квалифицировались как нечеловеческие или унижающие достоинство, в будущем признавались пыткой [31, с. 24]. Это подтверждается Особыми мнениями судей Европейского суда по правам человека. Так, в упомянутом деле «Прайс против Соединенного Королевства», несмотря на признание Судом содержания под стражей обращением, унижающим достоинство, сэра Н. Братца и судья Ж.-П. Коста отметили, что с учетом инвалидности потерпевшей условия, в которых ей пришлось находиться, вполне могут представлять собой пытку [30, с. 121].

Совершение пытки путем бездействия не укладывается в рамки привычного представления об этом преступлении. Однако границы наших представлений расширяет сама жизнь. Принимая во внимание то, что на социальном уровне грань между действием и бездействием стирается [32, с. 13] (то есть обе формы преступного поведения являются разрушающими), представляется допустимым законодательное закрепление возможности совершения пытки путем чистого бездействия.

Выводы. Анализ действующего законодательства дает основание признать возможным совершение пытки такими способами:

1) действия, на что указывают:

– закрепление в ст. 1 Конвенции 1984 г. понятия «любое действие» и ст. 127 УК Украины «иные насильственные действия»;

– использование в ст. 127 УК Украины понятия «побои», являющегося примером активного поведения виновного;

– введение в состав пыток мучения, определяемого, в частности, согласно п. 3.2 Правил, в качестве действия;

2) бездействия, специфика которого определяется соучастием (в рамках международного законодательства) и вариативностью причинения мучений (в рамках национального законодательства).

Состав преступления, сконструированный в ч. 1 ст. 127 УК Украины, не охватывает чистое бездействие как проявление пытки, что не соответствует практике Суда, признанной в Украине источником права на законодательном уровне (ст. 17 Закона Украины от

23.02.2006 г. № 3477-IV). Изложенное свидетельствует, что норма об уголовной ответственности за применение пытки нуждается в усовершенствовании. Это возможно путем моделирования деяния как одного из обязательных признаков объективной стороны пытки без ограничения его исключительно активным поведением.

Список использованной литературы:

1. Багіров С. Катування за обтяжуючих обставин: юридичний аналіз / С. Багіров // Часопис Київського університету права. – 2008. – № 1. – С. 167–172.

2. Булда Д. Деякі аспекти кримінальної відповідальності за катування / Д. Булда // Підприємництво, господарство і право. – 2005. – № 7. – С. 120–123.

3. Денисова О. Некоторые проблемы состава преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Украины // Підприємництво, господарство і право. – 2007. – № 8. – С. 107–111.

4. Довгань О. Катування: кримінально-правова характеристика складу злочину / О. Довгань // Кримінально-правова охорона життя та здоров'я особи : матер. наук.-практ. конф. (Харків, 22–23 квітня 2004 р.). – К. ; Х. : Юрінком Інтер, 2004. – С. 106–108.

5. Дорош Л. Катування: кримінально-правовий аспект / Л. Дорош, О. Довгань // Право України. – 2004. – № 9. – С. 131–134.

6. Кончаковська В. Особливості об'єктивної і суб'єктивної сторін суспільно небезпечних діянь, передбачених статтями 127, 373 Кримінального кодексу України, і суміжних з ними складів злочинів / В. Кончаковська // Держава і право. Серія «Юридичні і політичні науки». – 2007. – Вип. 38. – С. 615–621.

7. Фесенко Є. Нова редакція статті 127 Кримінального кодексу України (науковий коментар) / Є. Фесенко // Адвокат. – 2005. – № 4. – С. 27–29.

8. Журавська З. Про деякі заходи по запобіганню правопорушень з участю персоналу установ виконання покарань / З. Журавська // Університетські наукові записки. – 2009. – № 4(32). – С. 208–213.

9. Телесніцький Г.Н. Кримінальна відповідальність за катування: порів-

няльно-правове дослідження : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Кримінальне право; кримінологія; кримінально-виконавче право» / Г.Н. Телесніцький. – К., 2013. – 20 с.

10. Шульга А. Деякі питання кримінальної відповідальності за катування / А. Шульга, В. Павликівський // Юридичний радник. – 2005. – № 5(7). – С. 79–83.

11. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин ; предисл. докт. юрид. наук, проф. А.В. Наумова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 348 с.

12. Правова доктрина України : у 5 т. / [В.Я. Тацій, В.І. Борисов, В.С. Батиргарєва та ін.] ; за заг. ред. В.Я. Тація, В.І. Борисова. – Х. : Право, 2013–. – Т. 5 : Кримінально-правові науки в Україні: стан, проблеми та шляхи розвитку. – 2013. – 1240 с.

13. Кальницький В. О необходимом соисполнительстве при принуждении к даче показаний «другими лицами» / В. Кальницький, В. Борков // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 26–30.

14. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / за ред. С.С. Яценка. – К. : А.С.К., 2002. – 936 с.

15. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України : у 2 т. / за заг. ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.Ф. Фесенка. – 3-те вид., перероб. та допов. – К. : Алерта ; КНТ ; Центр учбової літератури, 2009. – Т. 1. – 2009. – 964 с.

16. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – 6-те вид., перероб. та допов. – К. : Юридична думка, 2009. – 1236 с.

17. Українське кримінальне право. Загальна частина : [підручник] / за ред. В.О. Навроцького. – К. : Юрінком Інтер, 2013. – 712 с.

18. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права / С.В. Познышев. – М., 1912. – 668 с.

19. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

20. Дорош Л.В. Уголовная ответственность за злостное уклонение от платежа алиментов на содержание детей : дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Дорош. – Х., 1982. – 220 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В УКРАИНЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Людмила МАРЧУК,

аспирант кафедры международного и европейского права юридического факультета Киевского национального экономического университета имени Вадима Гетьмана

Summary

The theoretical research of the article includes the matters of mediation, an overview of international law for resolving conflicts through such alternative procedure of dispute resolution as mediation, as well as the theoretical and practical aspects of organizational and legal support for the introduction of mediation at the legislative level in Ukraine. Also the article studies advantages and disadvantages of the bill on mediation, attempts to introduce mediation in the courts of Ukraine through implementing the general program of the European Union and the Council of Europe «Transparency and efficiency of the judicial system of Ukraine», the issue of adopting a law on mediation, the elimination of its imperfections and contradictions of the legislation of Ukraine.

Key words: mediation, mediator, method of alternative dispute resolution (ADR), EU Directive, Code of Conduct mediators, conciliation, mediation agreement, restorative justice, Bill «On Mediation».

Аннотация

В статье осуществляется обзор международного законодательства по урегулированию конфликтов с помощью альтернативной процедуры решения споров – медиации, а также теоретические и практические аспекты возможности внедрения медиации на законодательном уровне в Украине. Также проанализированы юридическая литература, попытки внедрения медиации в судах Украины на основании общей программы Европейского Союза и Совета Европы «Прозрачность и эффективность судебной системы Украины», необходимость принятия проекта закона о медиации, ликвидации, доработки его несовершенств и противоречий законодательству Украины.

Ключевые слова: медиация, медиатор, метод альтернативного решения споров (АРС), Директива ЕС, Кодекс поведения медиаторов, примирительная процедура, медиативный договор, возобновляющее правосудие, законопроект «О медиации».

Постановка проблемы. Украина так и не взяла на себя роль организатора процесса популяризации и внедрения на законодательном уровне исследуемого в данной работе института и не смогла создать «благоприятную почву для медиации», что в свою очередь спровоцировало недоверие, непонимание и неготовность со стороны гражданского общества прибегать к данной процедуре альтернативного решения споров. По нашему мнению, именно государство должно быть заинтересовано в снижении нагрузки на судебные органы, уменьшении бюджетных расходов на судопроизводство, а также в создании дополнительных механизмов защиты прав человека и восстановлении правопорядка и согласия в обществе.

Актуальность темы исследования. В настоящее время, несмотря на наличие практикующих медиаторов, отсутствует законодательная база для внедрения процедуры медиации в Украине. Разработка и анализ научных трудов по

внедрению медиации, последовательное принятие специального закона «О медиации» – актуальная необходимость благодаря преимуществам медиации, в том числе существенной экономии времени и средств, достижению исключительно сторонами взаимоприемлемого решения, добровольности и беспристрастности процедуры, гибкости процедуры, быстрому решению споров, которая создаст возможность сформировать в нашем государстве правовую основу для эффективного урегулирования конфликтов (споров).

Целью и задачей статьи являются обзор международных актов по урегулированию процедуры медиации, исследование применения процедуры медиации, анализ статей законопроекта о медиации, вычисление несоответствий в законодательством и необходимости имплементации процедуры в законодательство Украины.

Новизна заключается в том, что в данной работе сделана попытка ис-

21. Бажанов М.И. О различных трактовках некоторых признаков объективной стороны преступления в науке уголовного права / М.И. Бажанов // Проблеми законності. Х. : НЮАУ, 1999. – Вип. 10. – С. 145–155.

22. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н.И. Панов. – Х. : Вища школа, 1982. – 161 с.

23. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Х. Бинсуна. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 549 с.

24. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 4 : Состав преступления. – 400 с.

25. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : [учебник] / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд. – М. : Инфра-М, 2014. – 336 с.

26. Бойко А.И. Преступное бездействие / А.И. Бойко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 320 с.

27. Брайен Л. Попытки и наказания / Л. Брайен ; пер. с англ. А.Н. Фельдшера. – Смоленск : Русич, 1997. – 448 с.

28. Проти катувань. Міжнародні механізми запобігання катуванням та поганому поводженню. – Х. : Права людини, 2007. – 400 с.

29. Предупреждение пыток: дайджест решений Европейского комитета по предупреждению пыток и Комитета ООН против пыток / ред. И. Бурейфен. – Б. м. : Б. в., 2000. – 301 с.

30. Заборона катування. Практика Європейського суду з прав людини. – К. : Український Центр Правничих Студій, 2001. – 194 с.

31. Бущенко А.П. Проти катувань. Стаття 3 Конвенції про захист прав людини та основних свобод / А.П. Бущенко // Систематизований дайджест рішень Європейського суду з прав людини. – Х. : Фолю, 2005. – № 36(77). – 288 с.

32. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения / А.А. Тер-Акопов. – М. : Юридическая литература, 1980. – 152 с.